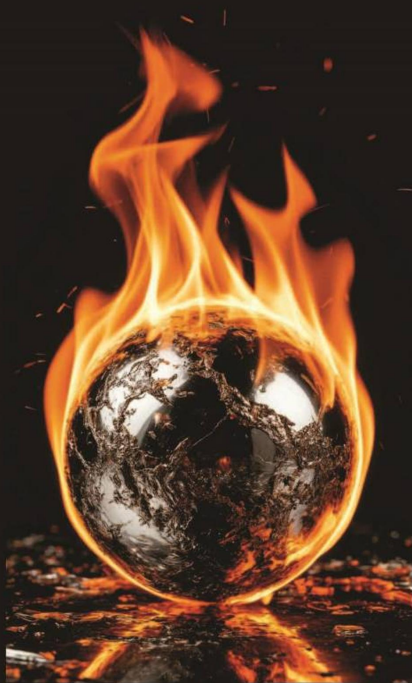

Елена Шемелина

РТУТЬ В ОГНЕ

ТОМ 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Шемелина

Ртуть в огне

<https://litres.ru/73875156>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь для преуспевающего адвоката Георгия Победина – шахматная партия, в которой тот или иной ход он просчитывает до мелочей. За его внешней невозмутимостью скрывается азартный игрок, умеющий полностью контролировать ситуацию. Ставки в этой партии слишком высоки - семья Побединых играет значительную роль в теневом бизнесе, где любой промах может стоить жизни. Неожиданно сын Победина приводит в дом девушку Ингу, к которой оказывается неравнодушен сам адвокат, в результате спокойствие Побединых оказывается под угрозой, а мрачные тайны, оставленные в прошлом, вновь дают о себе знать. «Ртуть в огне» - остросюжетный роман, который не оставит равнодушным читателя.

Содержание

6 лет назад, 2008 год, Москва	7
2005 год, июль, Москва	10
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Елена Шемелина

Ртуть в огне

Ртуть в огне

Он был ошеломлен, он был разбит,

Зажегся так, как ртуть в огне горит.

Мухаммед Сулейман-оглы Физули

«Лейли и Меджнун»

Предисловие

Моей целью, прежде всего, было написать книгу о трансформации человеческой личности под влиянием насилия. Даже сейчас, в эпоху социальных сетей, интернета, психологов всех мастей эта тема остается табуированной. Безусловно, психиатрия подробно исследовала разные случаи, но все же это академическая литература.

Данная книга не предполагает каких-либо исследований и оценок автора, поэтому честно предоставляю это право читателю и предупреждаю сразу - то, что откроют Вам эти страницы, может значительно изменить Ваши взгляды. Кое-кто даже спросит, для чего автору нужны были те или иные эпизоды - ведь такие грани лучше не переходить. Что же, если Вас легко шокировать или напугать - пожалуйста, отложите эту книгу в сторону, в ней не будет передышек.

Многие наверняка зададутся вопросом о личности автора. Что же, автору этой книги пришлось видеть немало и не

всегда это было приятно. Тем не менее, ни один из героев не списан с реальных людей, все образы являются собирательными и появились как результат весьма обширной работы.

Ну а теперь главное - все персонажи в данной книге вымышлены, любое совпадение персональных данных героев, их личности, мест действия, всех событий с реальными лицами или событиями является случайным и не входило в намерения автора, как и оскорбление чувств каких-либо объединений, групп, конфессий или лиц.

Любое чтение между строк остается на усмотрение читателя. Автор, со своей стороны, желает Вам приятного чтения.

Пролог

Все было как всегда в таких случаях – крест с табличкой, венки – «от родственников», «от коллег», свежие цветы, рыдающая жена...

Как же хорошо, когда можешь плакать вот так, навзрыд, так гораздо легче. Молчать, сохраняя внешнюю невозмутимость, большее: когда не имеешь права плакать, не имеешь права показывать всю горечь, что испытываешь, она накапливается внутри и разъедает как кислота.

Инга стояла далеко – совершенно не хотелось смотреть, как закапывают в песок гроб, который не открывали – окончательную точку в опознании поставила только генетическая экспертиза. Она помнила его живым и хотела сохранить эти воспоминания. Примерное содержание мероприятия, име-

нуемого «похоронами», всем известно, ничего не изменилось за сотни лет, так зачем терзать себя еще хуже – и без того внутри словно глыба льда, причем не простого, а объятая пламенем.

Инга надеялась только, что его отпустило, что он обретет если не счастье, то хотя бы покой. Она не верила в «царствие небесное», «ад» и прочие аллегории многочисленных религий, однообразных, как текст, написанный под копирку, в который наскоро добавлены несколько сумбурных предложений, чтобы не было совсем одинаково.

Горечь утраты заполнила ее до краев, но ни стоны, ни слезы Инга позволить себе не могла – она сильная, нужно потерпеть, должно отпустить – так не бывает, чтобы не отпустило. Она продолжит его дело, больше некому – это поможет пережить, поможет загладить вину.

Часть 1. Дебют.

6 лет назад, 2008 год, Москва

«Инга», - прошептал он в темноту коридора; конечно же, она не отозвалась – спала в своей комнате, но ему хотелось произносить ее имя снова и снова. До нее он не представлял, что такое страсть – любовь к жене была земной, теплой, правильной. Тут же – таежный пожар, сметающий все на своем пути огненный смерч – огонь в огне, каждая встреча как доза для наркомана. Сначала он просто ее хотел, до одури – думал, что воспользуется случаем и избавится от наваждения. Все оказалось не так просто – их страсть оказалась взаимной.

Ситуация, конечно, не из легких. Если узнает ее муж, то не миновать беды, он вмиг потеряет обоих – и сына и Ингу. С нее-то что взять – девчонка еще совсем, но ведь хватает же этой девчонке мудрости на людях держаться с ним, как ни в чем не бывало, даже немного отстраненно; хватает стойкости не рушить привычный уклад жизни. Теперь, когда он знает Ингу ближе, ее выдержка просто поражает – темперамент-то у девочки как порох, но жизненного опыта пока маловато. Радует то, что он не ошибся в ней – они существа одной породы. Металл в огне, только он – сталь, а она – ртуть, подвижная и опасная. Самое главное, что Инга любит его сына, но любит примерно так же, как он свою жену – ровная спокойная привязанность, уважение, равновесие. Она должна справиться – она и справится, оступиться он ей не позво-

лит. Как бы там ни было, они одна семья.

- Инга, просыпайся, ну вставай же.

- Леш, еще чуть-чуть, ну пять минут, пожалуйста.

Он усмехнулся в усы – сцена была привычной. Жена всегда тяжело вставала, утро и начало дня – это просто не ее время. Зато вечером она преображалась, причем настолько, что ощущение того, что он живет с двумя разными женщинами, никак не хотело уходить.

- Ну хорошо, только пять минут, потом держись, - в шутку грозит Алексей, подбираясь к жене поближе и прижимая к себе. Инга молчит, она знает, что отвоевала у утра хотя бы пять минут и не хочет терять их – ее тело расслаблено, мысли далеко – она чувствует себя защищенной от всех невзгод, порой эти утренние минуты ее самые любимые за день.

В этой семье не принято нарушать распорядок дня без веских причин. Алексей Победин, сын известного адвоката, Георгия Победина, привык к такой жизни. Отец его авторитарен, требователен к себе и другим, а порой просто жесток. Сын оправдывал его тем, что с ритмом жизни отца иначе было просто невозможно. Георгию Анатольевичу часто приходилось спать четыре часа в сутки на протяжении нескольких недель, отпуска он не брал, «сердце отпуск не оформляет» - одна из любимых фраз, которые сын слышал от отца в ответ на вопросы об отпуске. Инга пошевелилась под одеялом. Алексей взглянул на часы – пора.

- Вставай уже, соня, - он легонько шлепнул Ингу пониже спины. Шлепок возымел действие – она поднялась и, обнаженная, прошла в смежную со спальней ванную. Именно так – не пытаясь завернуться в одеяло, прикрыться. Ее раскованность нравилась Алексею – в ней не было нарочитости, ханжества, жеманства. Эта женщина умела красиво двигаться в «собственной шкуре». А еще Инга порой выделявала с ним такие штуки, даже при мысли о которых бросало в жар, а затем в холод.

У Алексея до брака было немало женщин, он умел расставаться с ними легко, без взаимных обид. На работе он и вовсе видел их десятки и оставался равнодушным, Ингу же увидел и пропал. Он так и не понял, почему его тянуло к ней как магнитом. Худенькая, темноволосая девушка, еще по-подростковому угловатая, была явно не той женщиной, о которой ему мечталось. Алексею всегда нравились женщины с формами, а тут ну просто девчонка, вдобавок ко всему, еще и на шесть лет моложе него. Да и не на работе они познакомились. У Алексея был один принцип, крепко вбитый в голову отцом – никаких романов на работе, даже мимолетных, даже без обязательств.

2005 год, июль, Москва

В тот вечер Алексей пришел домой вымотанным. Рабочий день выдался непростой, пришлось ездить на деловую встречу в дальнее Подмосковье, да и переговоры с клиентом прошли напряженно. Поужинав с отцом и поблагодарив мать за заботу, он устроился в комнате за компьютером – авиасимуляторы отлично помогали «выпустить пар». Неожиданно в комнате появился отец. Вообще-то в это время он должен был работать в кабинете.

- Ну что, сын, как день прошел? Вижу, досталось тебе?

- Да ничего, пап, видывал и не такое. Как всегда – хочешь получить побольше, заплатишь поменьше, прикормленных «специалистов» развел. Им же главное, чтобы говорили красиво и в пиджаках были, с галстуками – все, тогда специалист, его слушать надо. А то, что половина из них, нет даже больше – процентов семьдесят, специально дело затягивают, чтобы «капусту» есть, им невдомек. Тот же, кто критикует этих «спецов» – враг народа. Даже если сделаешь все быстро и качественно – не поверят, и благодарности от них не жди. Но все же удалось договориться.

- А я в тебе и не сомневался. Только иногда и «капусты» поесть не мешает. Когда приступишь?

- Послезавтра, как и договорились. С Ребровым, которого ты подогнал, я, кстати, закончил.

- Что по Реброву?

- Да все уже, сделка прошла, все довольны.

- Молоток, не зря тебя рекомендовал, - отец хлопнул его по плечу. — А я вот сегодня утром в парке кое-кого встретил.

Алексее почудилась в голосе отца какая-то мечтательность, что было делом весьма необычным.

- Ну и кого ты мог встретить в парке? Даже интересно стало.

- Представляешь, идет наш Вест, пыхтит, меня за поводок тянет, а там впереди худенькое создание такое со щенком рыжим. Увидела Веста — напряглась, в глазах огонь, убить готова. Вест-то подошел и хвостом виляет, а мелочь эта рыжая к нему под брюхо и к морде прыгает, на лапы припадает. Ну, вижу, расслабилась хозяйка, поговорили. Говорит, стаффорд у нее. Там даже по внешнему виду совсем не стаффорд, но я уж промолчал, чего девчонку обижать, тем более, она хорошей оказалась, адекватной — поговорили немного. Странно только, такое впечатление, будто всю жизнь ее знаю. Встретишь — присмотришь, девчонка стоящая. Чего-то я заболтался с тобой, а дело-то не ждет, - с этими словами Георгий Анатольевич направился к двери.

Вест — лабрадор Побединых, похрапывал в коридоре. Алексей редко гулял с ним, потому что отец любил эту собаку и старался не пропускать прогулок, благо офис его бюро находился недалеко от дома, да и слушался Вест больше отца, все остальные были для него так — дополнением к хо-

зяину.

Мысли все время возвращались к поездке, к клиенту. Победин-младший еще со школьных лет мечтал заниматься недвижимостью, о чем в свое время осторожно сообщил отцу – к его удивлению, тот спокойно принял его выбор, поставив лишь одно условие – Алексей должен был получить высшее юридическое образование. После получения сыном диплома Георгий Анатольевич составил ему протекцию, но на этом дело и закончилось – дальше плыви сам, скорее научишься.

Отец позвонил Алексею и попросил его погулять с Вестом, сказав, что домой к ужину не успевает и вообще вряд ли вернется до ночи. Схватив зубами конец поводка, Вест потащил Алексея к входной двери, такой ритуал повторялся при каждой прогулке. Алексей решил пойти в парк – подальше от суеты и прохожих, среди которых любители собак встречались нечасто.

В парке было сумрачно и пусто. Вест, как обычно, тянул вперед – энергии у молодого пса было более чем достаточно.

- Лежать, Дэн, - резко скомандовал женский голос неподалеку. – Ждать.

«А не та ли это девушка, что встретила отцу?» - подумал Алексей и решил подойти поближе.

Когда же из-за кустов вдруг рыжей молнией выскочил щенок и бросился под ноги Весту, у Алексея отпали всякие со-

мнения.

- Дэн! - позвал все тот же голос. Следом за щенком поспешно вышла худенькая девушка, при виде Веста она улыбнулась. Щенок продолжал радостно бегать по полянке - убедившись, что опасности нет, его хозяйка, скорее всего, решила дать песику побегать, не дергать его.

- Привет, Вест. Здравствуйте, - девушка подошла к вилявшему хвостом Весту и погладила пса. – Мы обычно здесь Георгия встречаем, беседуем с ним, он дал мне несколько полезных советов по воспитанию Дэна. А вы сын Георгия? Похожи очень.

Девушка смотрела Алексею в глаза совершенно спокойно, открытым взглядом, но в ней чувствовалась какая-то внутренняя напряженность.

Алексей не спешил с ответом. Надо же, «Георгий». Он отвык, чтобы отца кто-то называл просто по имени, да еще и «обычно». Совсем на него не похоже. С возрастом Георгий Анатольевич стал более замкнутым и посторонних близко никогда не допускал, предпочитая обходиться приветствиями и дежурными фразами. Видимо отец совсем не ощутил в незнакомке того, что его разочаровывало в людях все чаще – алчности, наглости, лжи. Глаза девушки чем-то притягивали – серо-стального цвета, миндалевидные, они были совершенно бездонными, словно омут, на поверхности которого могут играть солнечные блики, а в глубине таится тьма – неведомая, опасная.

- Да, я сын Георгия Анатольевича. Меня Алексеем зовут. А с вами мы пока не познакомились, но хотелось бы, - Алексей по-доброму улыбнулся девушке.

- Инга, - представилась девушка, - а этот малыш, - она показала на щенка, - Дэн. Вообще-то он не чистый стаффорд, производственник, ну знаете, как это бывает, но мы без комплексов с ним на эту тему. Будем расти и воспитываться.

- Зря вы ходите здесь одна, мало ли кто может встретиться, надеюсь, вы не против совместных прогулок? – Предлога для встреч с заинтересовавшей его девушкой долго искать не пришлось.

Инга внимательно посмотрела на нового знакомого – Алексей уже подумал, что она быстро и с радостью согласится, но девушка, немного помедлив, задумчиво произнесла:

- Почему бы и нет? Вместе веселее.

Они обменялись телефонами. Обычно женщины с ним вели себя иначе – ростом, внешностью и манерами Алексей пошел в отца, который всегда был видным мужчиной. Инга же даже не пыталась с ним флиртовать – она вела себя естественно, чем еще больше привлекала Алексея. Сначала он стал за ней ухаживать из спортивного интереса – такой девушки у него еще не было, затем понял, что ему нужна только она и никто другой.

Закончилось все скромной свадьбой в семейном кругу. Хотя в последнее время стало модным простое сожительство, Алексей в этом вопросе был так же консервативен, как

и его отец – считал, что сожительство с любимой женщиной – это неуважение к себе и к ней, а жену себе он искал долго и тщательно. Родители Алексея уважали выбор единственного сына и ни словом, ни жестом не показывали Инге, что она им чужая. Алексею следовало выбрать девушку их круга, но все попытки сближения со стороны таких девушек были им вежливо отвергнуты, отцу он пояснил коротко: «Нельзя жениться на деньгах, потом всю жизнь будем друг от друга нос воротить. Вот ты женился по любви, и я хочу также. Денег заработаем, главное, чтоб человек был мой».

У Инги была собственная квартира в центре Москвы и работа с низким, но стабильным доходом. Она с самого начала ничего не просила у Побединых, да и, видимо, не собиралась. Родители Алексея, поначалу опасавшиеся корыстолюбия со стороны невестки, были приятно удивлены – независимость Инги и ее сильный характер не могли не вызвать у них уважения.

Инга сидела за компьютером в наушниках – удивлять Побединых лихим панк-роком не входило в ее планы, хотя она и была одна в их особняке этим вечером – Алексей и Георгий Анатольевич еще не вернулись с работы, Нина Аркадьевна гостила у подруги.

Дэн уже погулял и теперь крутился где-то поблизости, скорее всего, пошел к Весту – они очень подружились. Веста Инга прогулять не смогла – кобель проигнорировал по-

водок в ее руках, он ждал хозяина. Инга переписывалась с Асей. «Ася в «аське» - называла она такие вот вечера. Ася – подруга и коллега Инги, настояла на том, чтобы Инга освоила icq – очень удобно было болтать по вечерам с помощью этой нехитрой программки. Сейчас девчонки обсуждали нового парня Анастасии (таково было полное имя Аськи) – красавчик Костя, был, конечно же, «тем самым, единственным». Инга не спорила, хотя до этого у Анастасии было уже несколько кавалеров с таким статусом. Инге нравилось общение в «аське», на душе было весело, за окном, правда, портилась погода – начиналась гроза.

Когда на плечи легли мужские руки, Инга даже не сомневалась, что вернулся Алексей – она расслабилась, прикрыла глаза, позволяя мужу гладить плечи и спину – такие ласки ей всегда нравились, от них она быстро заводилась. Инга тихонько застонала – Алексей сжал ее грудь, потом впился в губы поцелуем – немного грубоватым, требовательным. Инга ответила ему со всей страстью, на какую была способна, но внезапно, вздрогнув, отстранилась. Что-то было не так, не то, что-то шло неправильно. Она вскинулась, тут же отпрянув в сторону – наушники соскочили и упали на пол, сейчас было не до них. Глаза Инги встретили спокойный взгляд Георгия Анатольевича. Победин-старший был каким-то отрешенным, как будто спал с открытыми глазами. Если бы Инга и хотела что-то сказать, то не смогла бы – от волнения она утратила дар речи. Мысли метались: «Что делать, что делать,

мы одни, он очень сильный, да и разница в весе – он меня просто подомнет. Или все-таки ударить? Нет, нельзя, бежать отсюда, немедленно».

Прыжок через журнальный столик и Инга уже у двери, бо-сиком она вылетела в коридор и устремилась к выходу, абсолютно не зная, куда бежит, и столкнулась с входящим в холл второго этажа мужем. Алексей перехватил жену, обнял и крепко поцеловал в губы.

- Так заждалась, что встречать бежишь? Вот это я понимаю – скучала, - улыбнулся Алексей.

- Привет, - почти шепотом ответила Инга, - объятия мужа вывели ее из ступора, мысли перестали метаться. – Конечно, ждала, а как же иначе.

- Мама поднимается, я захватил ее, сейчас дождемся отца – он обещал скоро приехать, и ужинать будем.

- Уже не надо ждать, - Георгий Анатольевич вышел в холл. – Я здесь.

- Чего в дверях толпимся, молодежь? Проходите уже, - Нина Аркадьевна, улыбаясь, посмотрела на державшихся за руки сына и невестку. – Пойдем, Инга, с ужином поможешь. Только обуйся, - она посмотрела на ноги невестки, - не ходи босиком.

Алексей что-то говорил, смеялся, но ей сейчас было не до шуток. Мимо Георгия Анатольевича Инга прошла, не поднимая глаз – эмоциональный шок от произошедшего между ними немного прошел, но она боялась выдать свое волнение,

да и просто не знала, как теперь вести себя со свекром.

Нина Аркадьевна Победина представляла собой небольшого роста подтянутую, ухоженную женщину, отличную мать и хозяйку – Инга никогда не помнила, чтобы что-то в доме шло не так – свекровь все делала настолько быстро и правильно, что можно было только диву даваться. Конечно, в дом приходили наемные уборщицы, рабочие (если что-то ломалось), белье из прачечной доставляли и забирали в строго отведенное время, но за всем этим незримо наблюдала Нина Аркадьевна, чистота и порядок в доме всегда были абсолютными. Вместе с тем кухарки или кого-то подобного у Побединых не было – Георгий Анатольевич был с этим строг – дома еду должны готовить только свои, посторонним не полагается даже переступать порог кухни-столовой.

Инга резала салат и украдкой смотрела на свекровь – та, как всегда, действовала молниеносно – вот уже на сковороде приготовленные с утра продукты, на столе – свежая скатерть и начищенные до блеска столовые приборы, микроволновая печь тихонько гудит – видимо, ужин будет вкусным.

Мысли Инги были далеки от происходящего на кухне. Она не представляла, что делать дальше. Ни Нине Аркадьевне, ни Алексею она не могла рассказать ничего о произошедшем. Ей бы просто не поверили, а то и еще хуже – обвинили бы во лжи и распущенности. Самым страшным вариантом представлялся скандал между Алексеем и его отцом, который мог завершиться чем угодно. Инга решила молчать и

вести себя осмотрительнее – дома никаких маек и шорт, да и не нужно теперь оставаться со свекром наедине.

Сексуальность Инги только начала развиваться, но теоретическая база была довольно богатой – про отношения мужчин в возрасте с молоденькими девушками она читала немало, но и предугадать не могла, что свекор будет испытывать к ней какое-то влечение. Этот высокий крепкий мужчина с внимательным взглядом темных глаз всегда вызывал у Инги только уважение. Никаких знаков внимания, с тех пор, как она появилась в доме Побединых, и до сегодняшнего вечера он ей не оказывал – вежливо здоровался при встрече, порой перекидывался с ней парой ничего не значащих фраз – и только. Как-то раз Алексей сказал, что они с отцом в любви одинаковы – могут любить лишь одну женщину, выбранную раз и навсегда. Не один и не два знакомых Георгия Анатольевича по-тихому разводились с постаревшими женами, меняя их на длинноногих красавиц, только что справивших восемнадцатилетие, на что Победин-старший только хмыкал, или говорил небрежно: «Ну вот, еще одного бес попутал».

- Ин, ты что, вместо салата решила овощное пюре сделать? – Голос свекрови буквально ворвался в мысли Инги и прозвучал оглушительно громко. – Давай его сюда, уже и так перестаралась. – Нина Аркадьевна, к счастью, вовсе не злилась, она улыбалась. – О Лешке, небось, мысли – то? Понимаю, сама молодой была. Как ты его встречать выбежала – чуть с ног не сшибла, я топот с лестницы слышала.

Конечно, свекровь шутила. Шумоизоляция в доме Побединых была отменной. Старые стены особняка были звуко- непроницаемы, а замененные при реконструкции перегородки и перекрытия – дополнительно звукоизолированы.

- Иди, приглашай мужчин ужинать.

Инга прошла в комнату, которую она делила с Алексеем – Лешка принимал душ. На мониторе компьютера что-то мигало, Инга присмотрелась – дюжина сообщений от Аськи. Ну, конечно, она совсем забыла про подругу – та, наверное, думает, что случилось. Так и вышло. Наскоро отбив Аське: «Лешка вернулся с работы, пообщаемся позже, извини, пока», она подошла к двери ванной:

- Леш, ужинать.

- Сейчас, - отозвался Алексей. – Буду через минуту.

В кабинет свекра, расположенный на первом этаже, Инга шла на ватных ногах. Тихонько постучав и приоткрыв створку двери, она позвала:

- Георгий Анатольевич, ужинать пора.

- Зайди, пожалуйста, - тихо сказал Победин-старший, - и дверь прикрой.

Выполнив его просьбу, Инга осторожно вошла в кабинет – она не сомневалась, что он сейчас скажет ей, что произошло какое-то недоразумение и все, наконец, встанет на свои места. До этого она заходила сюда только один раз, когда Алексей показывал ей дом – за два с лишним года ничего не изменилось. Добротная мебель из мореного дуба, мягкий ко-

вер на полу, старинные напольные часы, на одной из стен – картина, изображающая древний храм в руинах под палящим солнцем. Обстановка под стать хозяину – строгая, без излишеств.

- Устраивайся тут, - он показал на кресло у массивного стола, - разговор не займет много времени.

- Вы уверены, что этот разговор вообще нужен? – Руки Инги непроизвольно сжали сиденье кресла.

- Если бы не был уверен, не попросил бы тебя войти. В чем я точно уверен, так это в том, что сегодня поступил неправильно, испугав тебя. Хотя я мог бы взять тебя силой и уже почти готов был это сделать, но не стану. Это не в моих обычаях, да и ты не из тех, кому понравится такое обращение.

- К чему все эти слова? Что вы хотите от меня?

- Ты интуитивно поняла, что мне нужно и сейчас тоже понимаешь. Знаешь, чем я себя чувствую? Закаленным стеклом, которое ударили прямиком в «точку напряжения», отчего оно разлетелось. Никогда я такого не ощущал – все было ровно, точно, правильно. Я смеялся над теми, кому вот так приходилось мучиться, как мне сейчас и вот расплата. Когда я вошел к тебе в комнату, я ничего не мог с собой поделать. Это как наваждение. Говорю с тобой открыто, знаю, ты меня поймешь. А еще я чувствую себя последней сволочью, не понимаю, что со мной творится – боюсь совсем с катушек слететь. Выход только один. Предлагаю сделку.

Ингу покоробил менторский тон, которым свекор озвучи-

вал свое предложение. Судя по всему, он уже все решил, за себя и за нее тоже. Ей хотелось бежать, но его взгляд приковывал к месту – спокойный, равнодушный, и это было страшнее всего. Она уже ни секунды не сомневалась, что он ей предлагает, но все же спросила:

- Основное условие - лечь с вами в постель? Так?

- Ты не горячись и подумай несколько дней. Я могу дать тебе многое, почти все. Мораль – вещь относительная. Я помню, как ты ответила на мой поцелуй, еще скажи, что тебе было неприятно от моих прикосновений – дрожь твоего тела и твое дыхание говорили совсем обратное. Еще раз говорю – подумай. А теперь пойдем, нас уже ждут.

Инге хотелось спросить: «А если я откажусь?», но ответ был и так ясен. Опустив голову, она следовала за свекром в столовую.

Ужин действительно оказался вкусным.

Ночью она так и не смогла сомкнуть глаз. Инга никак не могла понять, какие ее действия могли спровоцировать свекра. Вместе с тем она уже знала его достаточно, чтобы быть уверенной в том, что ее отказ или согласие роли уже не играют – он все равно добьется своего. Вопрос весь в том, какой ценой. Может, получив желаемое, он и вовсе оставит ее в покое, быстро вспыхнувшая страсть обычно также быстро и угасает.

Следующим вечером Инга вошла в кабинет Георгия Анатольевича без стука и произнесла:

- Я согласна, но с одним условием. Вы тоже сделаете то, что я попрошу однажды – что бы ни попросила.

- Твое условие принято. – Мгновенно отозвался Победин-старший. – Ты получишь то, что хочешь, при завершении сделки.

- А каков срок наших обязательств? – перешла на деловой тон Инга.

- О сроках мы поговорим позднее. – Победин теперь смотрел в ноутбук, ясно давая ей понять, что разговор окончен.

На работу Алексей, как всегда, пришел вовремя. День сегодня предстоял интересный – Платов еще вечером бросил на почту сведения о новом объекте. Вадим Сергеевич Платов был директором агентства с момента его основания и опыт имел колоссальный. Все, без исключения, клиенты получали желаемое, за репутацией агентства Платов следил тщательно, «чернухой» здесь не занимались – сделки должны были проходить чисто. Рабочие отношения с начальством у Алексея сложились почти сразу – Платов никогда не требовал от своих подчиненных невозможного, всегда помогал с трудностями, требуя взамен лишь добросовестно выполнять работу и уважать клиентов вне зависимости от их личностных и других качеств.

Рабочий график риелтора напрямую зависит от клиентуры. Клиент всегда прав и может позвонить, например, рано утром или ближе к полуночи. Самое интересное время – ве-

чер, когда чаще всего начинают звонить с предложениями и вопросами. Тем не менее, в офис полагалось являться к десяти – ежедневные планерки, работа с базами – все это тоже отнимало довольно много времени. За пять лет работы Алексей значительно поднялся по карьерной лестнице – от самого простого агента, работающего со всякой мелочевкой до специалиста по элитной недвижимости. Статус «элитника» включал в себя отдельный кабинет с рабочей зоной и зоной отдыха.

Неожиданно сработал селектор – планерка назначалась на одиннадцать. «Интересно, чего нового скажет Платов, - подумал Алексей, – снова нас всех будет подстегивать или, как обычно, слушаем его и разбежимся».

Планерка должна была проходить в зале для совещаний, о чем сообщили заранее, значит, агенты будут присутствовать все, независимо от статуса. Агентов было немного - всего пятнадцать, включая трех «элитников», пятерых «опытных» и «простых», занимающихся арендой самых обычных квартир на окраинах Москвы и в ближнем Подмосковье.

В зал для совещаний Алексей вошел одним из первых. Маша Конакова улыбнулась ему и подмигнула – хотя в бизнесе друзей нет, с Машкой они с самого начала сошлись характерами и поддерживали хорошие отношения без всякой подоплеки – она была «своя», да и начальству ни на кого никогда не стучала. Хуже складывались отношения с Евгением Лоскутовым, он был третьим «элитником» - желчным

и склочным, но с клиентами неизменно превращался в при-
торно-сладкий сироп. Когда Конакова стала «элитником»,
Лоскутов при любом случае в курилке сообщал, что продви-
жение она заслужила лежа на спине, пока Алексей не сделал
сплетнику настолько эффективное внушение, что злоязыч-
ный Евгений предпочитал больше вообще не вспоминать о
Маше. Конакова о чем-то шепталась с одной из «опытных»,
что метила в «элитники» довольно давно, но Платов поче-
му-то не хотел ее повышать.

Вот подтянулись «простые» – большинство вчерашние
студенты, изю всех сил старающиеся работать на совесть, пе-
ренять опыт старших и стать, наконец, полноценным зве-
ном в коллективе. Отсев был немаленький – за год половину
«простых» уносило течением жизни в неизвестном направ-
лении – оно и понятно, быть успешным агентом дано далеко
не каждому, а просто сидеть на окладе тут не позволят.

Платов, как всегда, зашел последним. Вадим Сергеевич
был небольшого роста, полноват, но обладал такой стре-
мительностью в действиях, что ничего из происходящего в
агентстве не укрывалось от его бдительного взора – казалось,
он был всюду. Как обычно, без лишних слов он сразу при-
ступил к делу.

-Так, все в сборе. Отлично. Лукьянова – пиши протокол
общего собрания, потом в двух экземплярах мне на стол.

Ольга Лукьянова, правая рука шефа, идеально владела
секретарскими навыками, а также свободно общалась на ан-

глийском, но, как и другие, любимчиком не была – Вадим Сергеевич никому и никогда поблажек не давал.

- Ну что, начнем, - сказал Платов ровным тоном, но это еще ничего не значило, начальник умел скрывать свои эмоции. – Конакова, ну сколько раз тебе говорил – пафосные вещи не для работы. Клиентка твоя вчерашняя скандал устроила на пустом месте, а потом через ее подругу удалось выяснить – ты была одета лучше этой дуры, вот ее и понесло. Ну чего ты гусей дразнишь? Знаешь же, нам их заскоки дорого обходятся. Это ведь сама Борейко, сейчас она нас рекомендует.

- Вадим Сергеевич, виновата. – Маша тут же опустила взгляд. – Переодеться не успела с одного показа на другой. Там мужики были, они нормально восприняли, а тут эта, как на пороге меня оглядела, так ее и перекосило. Да и знаю я эту Борейко – у нее в голове ничего долго не задерживается, кроме молоденьких жиголо, ее любая красивая девчонка раздражает. К ней бы Победина отправить – он бы эту красоту быстро обработал.

- Ну вот еще, работать меня поучи. – Сказал Платов, хотя предложение Маши было верным. – Сейчас Борейко успокоится, мы к ней Победина зашлем, а может и Лоскутова – пусть сиропом захлебнется. Муж-то этой гранд-дамы хочет видеть партнером только наше агентство – придется убить-ся, а ее «висяк» сбыть. Кстати, Победин, вот и о тебе речь зашла. Там домик один скромный предлагают на продажу,

всего шестьсот квадратов, но вроде неплохой, тоже мадам с заскоками – требует именно тебя, давай, в седло и вперед. Глянешь, что там за сарайчик, доложишь. Да и с ценой посмотри – просят дороговато, а хотят срочно.

- Хорошо, Вадим Сергеевич, гляну, да и фотоотчет представлю.

- О тебе, Лоскутов, разговор отдельный, - Платов повернулся к Евгению. – Командировка тебе светит. Во Владимирскую область. Но там реальный вариант – участок огромный, гектаров пять, дом за тысячу квадратов – пещера Али-Бабы. Хозяин за рубеж уезжает, на постоянку, на продажу дает год. Мол, понимает, от Москвы далековато и все такое. Давай, лети на метле в Александров.

«Простые» слушали этот разговор, затаив дыхание. Речь шла о такой недвижимости, какую они, может быть, видели во сне или на фотографиях в сети, но ни разу вживую.

- Ростовцева, - Платов посмотрел на ту из «опытных», с которой до планерки шепталась Конакова, - после планерки зайди ко мне. А вы, ребята, молодцы, - обратился к «простым» Платов, – дело идет неплохо, еще пару недель – и премиальные не заставят себя ждать. Все свободны, удачной охоты, - Платов поднялся и пошел к выходу.

Лоскутов кинулся за начальством, но Вадим Сергеевич, видимо, ему уже все сказал - выходя, он даже не обернулся.

- Женек, не расстраивайся, давай кофейку выпьем, - Маша улыбнулась Евгению вполне искренне.

Лоскутов сделал вид, что не расслышал предложения, но Маша не расстроилась, она уже повернулась к Алексею:

- Интересно, что у тебя там за бабулька с закидонами, хотя тут даже гадать не нужно - опять будешь слушать про чье-нибудь заплесневевшее прошлое – просто жуть.

- Да ладно, Маш, не впервой. А ты как?

- У меня всегда все замечательно, сегодня в центре работаю, два объекта. Плотников и Кривоколенный – вроде ключнуло, а там посмотрим, - Маша сделала изящный жест правой рукой – тихонько звякнули браслеты на запястье, - хоть бы мужики пришли, а то опять на какую-нибудь престарелую мадам попаду. Ты не представляешь, Леш, послала последнего козла, опять шубу сует – ну никакой фантазии, как говорится, я теперь снова в активном поиске. Хоть бы кто букетик полевых цветов преподнес, что ли, - Маша мечтательно прикрыла глаза, - видно, судьба мне остаться старой девой.

Алексей пропустил Машу вперед, и они вышли в коридор – пора было идти работать, до выезда времени было еще много. Личная жизнь Маши Конаковой всегда была ключом – кавалеры менялись с фантастической скоростью, причем по инициативе самой Маши. Последняя из всего этого секрета не делала, с женской половиной коллектива она всегда общалась на равных, казалась совершенно открытым человеком, но некоторые вопросы отказывалась обсуждать категорически – например, вопрос о родителях. Алексей был од-

ним из немногих, кто знал о том, что после гибели Конакова-младшего мать Маши покончила с собой, а отец находился на постоянном лечении в закрытом учреждении.

- Маш, даже не знаю, что сказать, - Алексей рассмеялся и покачал головой. – Не там ищешь, похоже. Ну какие полевые цветы? Это для студентов, у которых за душой только романтика.

- И ты туда же, Победин, - Машка дружески толкнула Алексея в бок, - ну разве это мало, романтика за душой? А то все словно под копирку – ресторан, цветы, шубы, бриллианты – ску-у-у-шно, вот так и проходит жизнь, - Маша, махнув на прощание рукой, скрылась в кабинете.

Алексей, постояв немного в коридоре, прошел в свой кабинет и крепко задумался. Вдруг Инге не хватает чего-то подобного? Она терпеть не могла шаблонные подарки: у нее не загорались глаза при виде цветов, драгоценностей или дорогой одежды, но когда Алексей подарил ей редкую книгу по истории письма, она не успокоилась, пока не прочитала ее всю дня за два, почти не отрываясь.

Надо было еще раз просмотреть новое предложение – Платов высылал по рабочей почте общие сведения, а именно: адрес объекта, описание владельца, варианты предлагаемой цены и другие нюансы, на которые следовало обратить внимание.

Сегодня Алексею предстояло выехать в ближнее Подмосковье и познакомиться с Лаурой Кареновной Погосян, вдо-

вой известного ученого Артура Погосяна. 1914 года рождения? Скорее всего, в дате ошибка. Иначе получается, что дама приближается к девяностопятилетию. Артур Погосян умер еще в восьмидесятых, до печально известной «перестройки». Лаура вдовствовала уже давно. «Права была Машка, - подумал Алексей, - как в воду глядела». Объект фигурировал как дача в шестьсот квадратов на участке размером немногим более гектара. Наскоро пообедав, а также сообщив Платову, что выезжает, Алексей спустился на подземную парковку – его черный «Паджеро» приветливо мигнул фарами. Победин махнул охране и осторожно выехал на дорогу. Алексей водил машину неспешно, аккуратно, в отличие от его отца, который лихо рассекал просторы дорог на своем «Брабусе». Потолкавшись в пробках, «Паджеро» наконец-то выехал на грунтовую дорогу под нужный указатель – до встречи с клиенткой оставалось десять минут. По обеим сторонам дороги стоял сосновый бор – Алексей приоткрыл окно, позволяя запахам хвойного леса – чуть терпковатым, освежающим, наполнить салон. Впереди показался шлагбаум – Алексей притормозил и остановился, ожидая. Зазвонил мобильный.

- Алексей Георгиевич? – спросила дама на том конце. – Прямо по дороге и направо, пожалуйста, у дома есть указатель, машину оставьте у ворот.

Шлагбаум открылся и Алексей поехал вперед по заасфальтированной дороге. Вот, наконец, и объект – дом в клас-

сическом стиле, с колоннами и фронтоном. Точно следуя указаниям, Алексей оставил машину у ворот и подошел к калитке. Снова звонок:

- Пожалуйста, предъявите ваш паспорт – камера прямо над вами.

Алексей таким проверкам не удивлялся – его клиенты ценили собственную безопасность, поэтому достал паспорт и раскрыл его, подняв как можно выше к объективу камеры. За калиткой оказалась дорога, мощенная брусчаткой. Двухстворчатые двери особняка были приоткрыты, Алексей вошел в огромный холл с роскошной лестницей.

Навстречу шла дама в синем шерстяном платье, с седыми, тщательно уложенными волосами. Алексей подумал, что это, скорее всего, экономка. Так и вышло.

- Здравствуйте, Алексей Георгиевич. Пройдемте в кабинет. Лаура Кареновна ждет вас.

Алексей следовал за экономкой – обстановка впечатляла. Платову придется существенно пересмотреть цену. Только вот покупателей наверняка найти будет трудно.

- Сюда, пожалуйста, - дама показала на дверь с ручкой в виде львиной головы – явно не новодел.

Кабинет был под стать холлу. По стенам – аквариумы, в воде с подсветкой плавали яркие тропические рыбы. Потолок – метров пять, не меньше, украшен лепниной. У дальней стены стол, на котором Алексей с удивлением разглядел ноутбук и пару мониторов – огромная хрустальная люстра под

потолком не горела, в комнате царил полумрак.

- Здравствуй, Алексей. Постой, хоть погляжу на тебя. Да, вылитый Анатолий – усы и борода те же, да и рост, только он чуть коренастее был, - раздался звучный голос из кресла, стоявшего у стола.

Над столом зажегся свет, и Алексей увидел хозяйку – маленькую даму, до чрезвычайности походившую на королеву Елизавету. Подойдя поближе, Алексей мысленно поежился – взгляд у Лауры Кареновны был такой, что ясно было сразу – собеседника она видит насквозь. Сколько бы ей лет ни было, ничего старческого во взгляде и голосе он не заметил. Руки Погосян были скрыты перчатками.

- Здравствуйте, - вежливо ответил Алексей, никак не комментируя высказывание Погосян о своем сходстве с дедом – он старался не обсуждать свою семью с посторонними.

- Располагайся, - Лаура Кареновна указала на удобное кожаное кресло, - разговор долгий предстоит. Ты же знаешь нас, стариков, - она улыбнулась, - любим поболтать. Мне тебя порекомендовала моя подруга – Марианна Княжевская – помнишь такую?

- Да, конечно, - Алексей действительно вспомнил, – как она?

- Вся во внуках, переехала к сыну поближе, в Питер. Ни о чем не жалеет. Вот и я уехать хочу, только южнее – туда, где море и солнце. А то летом тут хорошо, а зимой - скука смертная. Как там Олимпиада, жива?

Отвечать не хотелось, но и казаться грубым было нельзя, поэтому Алексей был краток:

- Жива и здравствует, уехала в Крым. Общаемся в мессенджере.

- В Судак? – уверенно спросила Лаура Кареновна.

- Да, а откуда вы знаете?

- Ну как же, там у них с Анатолем было лучшее время – если бы она поехала в Крым, то только туда. Любовь у них была сумасшедшая просто, не угасала ни на миг, что было вдвойне удивительно, учитывая их темперамент и разницу в возрасте. Ты знаешь, как они познакомились?

- Конечно. На званом вечере, когда бабушке было восемнадцать.

- Эх, значит, молчала Липа все эти годы. – В голосе Погосян появилась мечтательность. - А ведь романтическая история, тебе скажу. Нет в этом ничего плохого, правда, раньше были другие времена, люди считали иначе. Слушай.

Алексею стало интересно - какой же пикантный анекдот сейчас расскажет Погосян?

- Была весна тридцать седьмого года, еще наших никого не тронули, все радовались жизни. Громы – были у нас такие любители тусоваться, как сейчас говорят, - Лаура Кареновна подмигнула Алексею – мол, не совсем отстала от жизни, - пригласили нас на пикник на природу. Среди приглашенных была твоя прабабушка Марфа с дочкой Липой – Олимпиаде тогда едва пятнадцать исполнилось. И вот, значит, си-

дим мы, разговариваем о том, о сем – Липа молчит, слушает, только глазищами сверкает. Она вообще на цыганку похожа – волосы копной, еле уложили, глаза темные, выразительные – чувствуется, водились в этом омуте еще те черти. Был с нами и Анатоль. Как всегда, с дамой – блондинка, красоты неопикуемой - Любовь Орлову представляешь? Вот только с Орловой и сравнить. Он ей что-то в сторонке на ухо шепчет – она прямо хохочет, заливается. Другие женщины тоже украдкой на него глядели – еще бы, мужик-то видный. Блондинку звали Серафима, у нее и голосок был под стать внешности – нежный, мелодичный. Симочка мужа недавно похоронила, профессора – мы были уверены, что уж с ней-то Анатоль остепенится, ведь пора - четвертый десяток пошел. И тут смотрим - Липы нет. Вдалеке лошади в загородке гуляли, здание было – конный двор. Не успели ничего сообразить, как услышали топот копыт, смотрим – Липа верхом скачет, жеребец под ней огромный, она без седла, ноги в стороны, шляпки нет. Хотела притормозить – куда там, конь на дыбы сразу – чудом держится. «Повод не затягивай, - закричал Анатоль, - слышишь? Держись!» Липа повод-то ослабила и конь рванул вперед, только и видели их. Но главное, всадницу больше не сбрасывал.

Марфа вся помертвела, Липа-то у нее одна была. Четверых сыновей в младенчестве схоронила. Все растерялись, только не Анатоль. Смотрим, он уже до конюшни добежал, а через минуту выехал вслед за Липой, да как выехал – гнал,

словно на скачках. Полчаса мы сидели, ждали. Марфа вся окаменела. Ни слезинки, ни слова – боялись, что ее удар хватит. Я рядом сидела, успокаивала, как могла – да что толку. Потом смотрим – едут. Вдвоем. Анатолий на том звере верхом – ничего, идет жеребец смирно, а Липа следом на другой лошади.

«Ну вот, - Анатолий соскочил на землю и, спокойно удерживая двух лошадей, помог Липе спешиться, - барышня поймана, больше не убежит. А ведь благородный поступок совершила – жеребчика пожалела, оказывается, конюх ей сказал, что он уже полгода под седлом не ходит – нет сладу с ним, только под размножение и держат, вот наша барышня и решила его прогулять. Все обошлось, - Анатолий посмотрел на Марфу, - барышня наша так делать больше не будет», - он в поводу повел обеих лошадей в сторону конюшни.

Жеребец даже головой не дергал – оно и понятно, силу чувствовал, дед твой очень сильный был – помню, как-то раз, на спор согнул подкову двумя пальцами – легко, будто она из теста была. Марфа ничего не сказала дочери, но в последующие три года Олимпиаду никто нигде не видел – строга была Марфа с ней, боялась, как бы та опять чего не выкинула. Потом Олимпиада снова вышла в свет на званый вечер – вот тут-то у них с Анатолием и закрутилось. Видать, судьба была им вместе по жизни идти.

Лаура Кареновна немного помолчала и продолжила:

- Вот так бывает. В отношениях всегда должна быть искра,

а некоторым, таким как Анатолий и Липа, вообще постоянно фейерверк нужен – иначе не выдержит душа, замерзнет. Ты сам-то женат?

- Да, скоро три года будет.

- Победины на ком попало никогда не женились. Значит, правильно выбрал. Не забывай про искру и все у вас сложится. Жажда приключений у тебя в крови – это тоже запомни. Живи интересно, ярко, люби каждый день, вот тебе мой совет. Хочу, чтобы у тебя все хорошо было, вижу, парень ты толковый.

- Спасибо, - Алексей оставался внешне невозмутимым, но в душе был просто потрясен. Деда он почти не знал, а отец всегда казался очень строгим, не способным на безумства.

- Ну а теперь к делу, - Погосян выложила на стол два увесистых переплета, - это полный отчет об оценке дома и того имущества, с которым я готова расстаться. Отчет составлен проверенным оценщиком – тебе проще будет все покупателю обрисовать, забирай. И вот еще, - на стол лег листок с какими-то буквами и цифрами, - мой мессенджер, передай его Липе. Пообщаться хочу, а может, даже и встретимся. Ну, до встречи, Алексей.

- До свидания, Лаура Кареновна.

Не вполне еще пришедший в себя, Победин-младший двинулся к выходу. Опомнился он уже, когда «Паджеро» вырулил на шоссе и влился в поток машин. В одном он уверен был точно – такие встречи, как с Лаурой Кареновной, просто

так не случаются.

Георгию Анатольевичу хотелось покончить со всем прямо сейчас, но он не любил «рубить сплеча». Все складывалось словно паззл – еще вчера он думал, какое место в бюро должна занять Инга, а сегодня уже нашлось решение. Вот только все было не так просто.

Одной из особенностей Победина-старшего было чувствовать в людях малейшую фальшь, он про себя всегда сравнивал окружающих с музыкальными инструментами – вот инструмент играет чисто, оркестр звучит правильно, но при малейшей фальшивой ноте, даже почти незаметной, чистой музыки не выйдет – мелодия будет испорчена.

Если в коллективе с кем-то было неладно, он чувствовал это немедленно и решал проблемы по-разному. Если неурядица была связана с семьей – давал сотруднику отпуск или помогал материально, но при выявлении чего-либо негативного для бюро расставался без жалости - люди не меняются и человек, из-за которого хоть раз нарушался ход дел, уже не исправится.

Пятнадцать лет они работали вместе - теперь, видимо, придется расставаться. Победин недовольно взглянул на фотографии на столе. Он снова начал просматривать снимки – вот высокая, коротко стриженная блондинка, улыбаясь своему собеседнику, держит бокал с вином, а вот те же мужчина и женщина - обнаженные, тесно прижимаются друг к другу.

Победин наскоро отбил на клавиатуре: «Надя, зайди» и перевернул снимки лицом вниз – всему свое время.

Надежда Осипова была помощником Георгия Анатольевича. Все знали, что Осипова является вторым лицом после шефа – Победин не принимал важных решений, не посоветовавшись с Надеждой.

В девяносто третьем он взял на работу молоденькую помощницу – простейшие поручения, ответы на звонки – одному было уже не справиться. Годы шли, дело набирало обороты, при этом Надежда не только смогла вписаться в такой темп работы, но и зарекомендовала себя отличным помощником – ее деловая хватка была просто потрясающей, а работоспособность феноменальной – порой они засиживались до поздней ночи и все-таки находили решение. Они пережили многое – он мог звонить Наде в любое время суток, помощница неизменно отзывалась и готова была тут же прибыть куда необходимо. Единственное, что не нравилось Победину в Надежде – это порой откровенные попытки заполучить его в любовники. Она несколько раз намекала шефу, что их отношения могли бы уже перейти в иную фазу – все равно вместе они проводят очень много времени. Но, хотя Надежда и была для него близким человеком, Победин никогда не смотрел на нее как на женщину. Он замечал красивых женщин, но не в рабочей обстановке, иначе это уже будет уже не работа, а любовные похождения, а значит, дело от этого не выиграет. Интимные отношения между коллегами, а осо-

бенно между подчиненной и начальником – штука тонкая. Во-первых, тайное может стать явным, а во-вторых – интим уже предполагает какую-то выгоду и прощай спокойная работа в команде – пересуды, интриги и зависть непременно отравят моральный климат в коллективе.

Надежда без стука вошла в кабинет – к чему церемонии, если тебя и так ждут, и резко остановилась, словно наткнулась на невидимую стену. За годы совместной работы она видела Победина всяким и поняла – случилось что-то очень неприятное. Победин смотрел на нее немигающим взглядом, да и его молчание в ответ на фразу: «Звали, шеф?», не предвещало ничего хорошего. Он сам нарушил затянувшуюся паузу:

- Проходи, настало время поговорить. Надеюсь, ты понимаешь, о чем речь пойдет?

Надя смотрела на него столь открыто, что, если бы не отчет службы безопасности, подкрепленный фото- и видеоматериалами, Победин ни за что не поверил бы, насколько плохо обстоят дела с его помощницей – что, еще совсем немного и, может быть, доверие обошлось бы ему очень дорого.

- Итак, - Победин откинулся в кресле, приняв обманчиво расслабленную позу – на самом деле он всегда был подобен сжатой пружине – такое свойство характера было врожденным и не раз спасало ему жизнь, - спрашиваю один раз – сколько?

- Георгий, я не понимаю, о чем ты?

- А вот о чем, - Победин перевернул лежащие на столе снимки и подвинул их к Надежде, - сколько он тебе платит? Мне казалось, тебе всегда на жизнь хватало – или тут что-то еще? Хотелось бы узнать, что такого он тебе предложил – Борис всегда был скрягой.

- Георгий, работа – это работа, а личная жизнь – совсем другое. Так совпало, ничего более.

- И то, что у меня под столом «ухо» выросло – тоже совпало?

- Я правда не понимаю, о чем ты говоришь, я тут ни при чем.

- Конечно, - протянул он, - сама ты ничего не ставила, но вот уборщице за какую-то услугу три тысячи вручила, между прочим, не рублей – хочешь про это кино посмотреть? И удачно момент подобрала, только та возьми и сглупи – тоже в кинозвезды подалась. Ты что, не знала, что мой кабинет не так прост, как кажется? Детский сад развели.

Теперь Победин молча ждал развязки – скорее всего, сейчас будет не очень приятная сцена, так и вышло.

Осипова презрительно скривила губы:

- Ну конечно, ты же само совершенство. Я же тебя недостойна – сколько раз ты мной пренебрегал – смотрел, будто я шлюха какая-то, ничтожество. Ты меня просто использовал. Нужна, так «Наденька», а как все решилось: «спасибо, до свидания». Ты вообще способен на человеческие чувства? Я всю себя отдала этой работе – порой сутками не спала, ну

какая личная жизнь? Что я видела все эти годы? Ни семьи, ни детей – одна работа и ты, ну просто истукан. А Борька живой – не то, что ты, и мужик настоящий, – Надежда словно поперхнулась и умолкла, в ее глазах были вызов и злоба.

- У тебя все? – Его голос был так спокоен, будто они обсуждали какие-то пустяки. Просто сотрудник Надежда Осипова перестала для него существовать. Так и не получив ответа, Победин так же спокойно произнес:

- До конца дня собирай вещи, с сегодняшнего числа ты нас покидаешь. Порядок знаешь – кому, что и куда сдавать. Денег выдам на полгода вперед, потому что Борис вряд ли тебя возьмет, его обещания так и останутся таковыми – вот увидишь. Знаешь, думаю, что будет, если информация о нашей работе выйдет за пределы этих стен. А теперь свободна.

- Обойдусь я без твоих денег, – прошептала Надежда и вышла.

Не без удивления он осознал, что с его отношением к ней Надежда не ошиблась – с годами он стал относиться к помощнице как к дорогому инструменту, который служит исправно и всегда находится под рукой – Георгий все меньше задумывался о ее чувствах, но, тем не менее, зарплату прибавлял регулярно. Будь у Надежды семья, все наверняка сложилось бы иначе, но она почему-то оставалась одинокой – надежного мужского плеча у бывшей помощницы так и не появилось. Самым удивительным было то, что Надя, в конце концов, сошлась не с кем-нибудь, а с Борисом Штейном –

давним конкурентом Победина в бизнесе.

Когда-то Георгий и Борис были однокурсниками. Лидеры в своих группах, они невзлюбили друг друга буквально сразу. Борис считал, что адвокатура может быть только семейной – его отец и дядя тоже были адвокатами, и Штейн-младший был уверен, что только подобные ему могут защищать чьи-либо интересы. Недалекие одноклассники Бориса не раздражали – он относился к ним снисходительно, на их фоне можно было добиться многого, да и к возможным конкурентам уже пора было присматриваться. Победин был другим – казалось, неразрешимых задач для него просто не существовало. Последней каплей в их противостоянии стал семинар с участием их групп на заключительном курсе обучения, на нем обсуждалась прецедентность судебного права – одна из самых актуальных и дискуссионных тем в юриспруденции. Борис и Георгий сражались не на шутку, но в конце семинара почти все присутствующие студенты и подтянувшиеся в аудиторию преподаватели назвали выигравшим дискуссию именно Победина.

С тех пор Борис Штейн использовал любую возможность для того, чтобы навредить Георгию в учебе, а позднее и в бизнесе. Пока что Георгий лидировал в этой гонке – гибкий ум, стальная воля и уверенность в собственных силах помогли ему заручиться поддержкой нужных людей, стать успешным партнером, а затем поднять собственное дело. Победин специализировался на уголовном праве, в узких кругах

его прозвали «адвокатом дьявола» за способность вытягивать на первый взгляд безнадежные дела. Штейн же наоборот, выбрал гражданское право и, надо отдать ему должное, стал в нем одним из лучших. Казалось, заклятым друзьям и делить-то было нечего, но Борис был слишком злопамятным. Георгий регулярно получал привет от «старого друга» в виде какой-нибудь затейливой пакости. Вот и сейчас выпад Штейна угодил в болевую точку – Борис специально устроил весь этот балаган с прослушкой – он знал, что Надя попадется и знал, что ее непременно уволят. Победин сам не заметил, как от одной из фотографий, той самой, на которой был запечатлен наиболее пикантный момент, остались одни ключья. Он брезгливо смел со стола все доказательства предательства Надежды, включая отчет службы безопасности, в измельчитель бумаги – теперь все это не имело значения. Постояв минуту у окна, Победин взял со стола мобильный телефон и нажал кнопку вызова – на том конце ответили почти сразу, он был краток:

- Привет. Заеду за тобой в шесть. Один. Надо поговорить. До встречи.

Рабочий день Инги начинался в девять утра. К своей работе она относилась противоречиво: с одной стороны именно эта работа помогла ей побороть стеснительность, обрести неплохой опыт в принятии решений и умение разбираться в людях, на другой же чаше весов были постоянный стресс и

низкая зарплата. Инга работала в сфере государственной регистрации недвижимости. Каждый приемный день, как только открывались двери организации, в зал для посетителей буквально влетал, сметая все на своем пути, поток людей – почти все, как на подбор, недовольные и агрессивные – ставшая уже привычной законодательная безграмотность населения в сфере постоянно меняющегося порядка оформления собственности неизбежно приносила свои плоды. Очередь людей на приеме никогда не иссякала, полный рабочий день в подобных условиях порой настолько выбивал из колеи, что иногда было просто тяжело находиться в любом обществе – хотелось уединения и отдыха.

Инга привычно выполняла свои обязанности: принимала документы, консультировала, терпеливо выслушивала недовольные, а порой даже оскорбительные замечания. Работая с населением, Инга постепенно осознала – люди приходят в основном выговориться, они видят в операторе кого угодно, только не такого же человека. Бывали и приятные исключения, что весьма радовало, но таковые встречались совсем нечасто.

Звонок мобильного прозвучал неожиданно - выйдя из зала приема, она посмотрела на телефон – звонил Георгий Анатольевич. Выслушав свекра, она не успела сказать ни слова – как всегда при общении по телефону тот сообщил только самое важное и закончил разговор. Пора было возвращаться обратно, перерыв еще не наступил.

- Эй, что ты тут делаешь? Тайный поклонник?

Аська выглянула из архива, и, смеясь, показала Инге кулак. Анастасия работала в архиве давно и прочно – обязанности свои она выполняла исключительно добросовестно. С Ингой они подружились почти сразу – с тех пор у них почти не было секретов друг от друга, даже перерывы девушки всегда проводили вместе.

Аська обладала боевым характером, внешне она была полной противоположностью Инги – крепкая, с роскошными светлыми волосами, причем цвет волос был у нее природным, что порой вызывало нешуточную зависть женщин-коллег. Анастасия никогда не пасовала перед жизненными трудностями и относилась ко всему легко и с улыбкой.

- Угадала, - Инга улыбнулась. – Прямо в точку.

- Чтоб я и не угадала – подруга, я же тебя не первый день знаю. Ты сегодня сама не своя. В обед расскажешь, давай, удачи.

Аська скрылась в недрах стеллажей и стоящих друг на друге коробок. Инга невольно подумала о том, что скажет Анастасия, если узнает правду? Нет, ничего говорить нельзя. Никому и никогда.

Оставшийся день Инга провела как на иголках. Она сказала Аське, что звонил свекор. Подруга отмахнулась – мол, не хочешь, не говори - она не поверила Инге, как та и рассчитывала. Далее они перешли на привычные темы разговора. Инге очень нравилось то, что Аська совсем не любила

сплетничать, как и она сама. Коллег и личную жизнь подружки обсуждали очень редко и только между собой.

В шесть часов Инга подхватила сумочку и вместе с Аськой вышла из здания. Оглядевшись, она заметила на парковке автомобиль Победина – словно поймав ее взгляд, фары дважды мигнули.

- Ась, меня сегодня забирают, прости, важная встреча.

- Ну-ну, - прищурилась Аська, – и почему мужики на «мерсах» вечно тебе достаются? Ладно, как-нибудь переживу – тем более с Костиком завтра в кино идем.

- Ну пока, - Инга махнула рукой подруге. - Не скучай.

- Пока, - Аська круто развернулась и зашагала к метро.

Больше тянуть было нельзя. Победин помог Инге сесть в машину. Черный внедорожник лихо сорвался с места и уверенно выехал на шоссе.

- Наденька, - мягкий баритон Штейна словно обволакивал, у Надежды по спине побежали мурашки, - невероятно рад твоему звонку. Как дела, солнышко?

- Боря, нам надо поговорить, как можно скорее.

- Разговор не телефонный, надо понимать?

- Не телефонный.

- Тогда давай в семь там, где обычно.

Надя отсоединилась и сжала руками виски – головная боль не унималась. Вечером она выпила много – такое с ней было только один раз, во времена веселого студенчества.

Правда, сегодня Надя проснулась дома, а не в чужой постели, но голова болела точно также. Налив себе немного «Мартины», со стаканом в руке она нежилась в душистой пене – головная боль постепенно ушла. Сейчас Осипову заботило только одно – те снимки, которые показывал ей Победин, были сделаны здесь, у нее дома. Борис приезжал сюда только один раз. Откуда Георгий мог знать, что она приведет любовника к себе? Вывод напрашивался сам собой – аппаратуру установили в считанные минуты за то время, пока они с Борисом ехали сюда, а потом, выбрав момент, также быстро сняли.

Осипова почувствовала себя омерзительно – она и раньше знала, что Победин следит за ней, но чтобы так, в ее собственном доме... Ничего, они с Борисом обязательно придумают, что делать дальше.

Победин остановил машину в тихом дворе в районе Таганки. Инга догадывалась, что они едут в ресторан и боялась оказаться в каком-нибудь пафосном заведении. В рабочей одежде она выглядела школьницей – стандартная формула «белый верх – темный низ» была прописана в служебной инструкции и соблюдалась неукоснительно, кроме того, косметикой Инга почти не пользовалась – она считала, что раскрашенное лицо у молодой девушки выглядит вульгарно.

Ее опасениям не суждено было сбыться – в уютном помещении цокольного этажа дореволюционного дома в этот час

почти не было посетителей. Вышедшая им навстречу официантка по просьбе Победина, подкрепленной, конечно же, некоторой суммой, предоставила им отдельный кабинет.

Устроившись в нише, где царил полумрак, Инга выжидающе смотрела на Георгия Анатольевича. Она чувствовала, что разговор будет важным, но не была уверена в этом полностью – может он вот так пригласил ее на свидание и все завершится вполне банально в каком-нибудь гостиничном номере.

- Как твоя работа? – спросил Победин, как только они остались наедине.

- Как обычно, - Инга была озадачена. – Каждый день одно и то же, другое дело, что большинство ситуаций мне знакомы и работать стало со временем гораздо проще.

- Это прогнозируемо и понятно. Какой ты видишь себя на этой работе в будущем? Речь идет не о двух годах и даже не о пяти, тут надо брать лет десять-пятнадцать. Представила?

Инга задумалась. Действительно – если говорить об интеллектуальном развитии, повышении квалификации, то такая работа его не предполагала. Все шло по одним и тем же алгоритмам изо дня в день. Со временем она неизбежно превратится в постаревшую и вечно недовольную тетку или же, устав, окажется дома в качестве домохозяйки и, подобно Нине Аркадьевне, будет обеспечивать крепкий тыл для своего мужа, а тот рано или поздно, ведомый кризисом среднего возраста (так она про себя именовала то, что происходило с

Побединым-старшим), наверняка заведет связь на стороне. Тем временем – что останется от самой Инги? Победин же, так и не дождавшись ответа, продолжил:

- Ты о Нине думаешь? Зря. Она прекрасная жена и мать. Это ее место в жизни. Ты другая, вот и все. Тихая гавань не для тебя, да и не для меня, как выяснилось, тоже – я выкладывался на работе, порой забывая обо всем, поэтому понял это слишком поздно. Не появись рядом ты, наверное, никогда бы не понял. Видимо это во мне от отца – вот кто умел отрываться на полную катушку. При этом моя мать поддерживала его и ничуть не осуждала. Алексей мало общался с дедом – наверное, это и к лучшему. Анатолий, или, как его называли на вечерах, Анатоль, не мог усидеть на месте даже в преклонные годы: скачки на лошадях, восхождение на крутые склоны, прыжки с парашютом – это лишь малая часть его развлечений. И женщины. Много женщин. Такое впечатление, что ему каждый раз нужно было убедиться, что лучше его жены никого нет – он и убеждался, над чем моя мать, к моему удивлению, просто посмеивалась – она никогда не закатывала ему скандалов. Может, у нее были свои увлечения, только она их скрывала столь успешно, что репутация ее ни разу не пострадала. Я же дал себе слово стать другим: прилежно учился, поступил в университет, избегал шумных и веселых компаний – то есть со временем стал полной противоположностью отцу. Он, что меня тоже удивляло, был моими успехами доволен – говорил, что гордится мною и у меня

наверняка блестящее будущее – на мою учебу он никогда не жалел средств, позже тоже поддерживал как мог. Я встретил Нину – она соответствовала моим представлениям о жене, родился Лешка, которого я старался воспитывать в строгости и в нашей семье после стольких лет бури наконец наступил покой. Вечерами я с удовольствием возвращаюсь домой к Нине и она это знает. За три десятка лет мы с женой научились понимать друг друга с полувзгляда, порой и слов не требуется. Вернемся к работе. Сегодня утром я уволил свою помощницу. Она была со мной пятнадцать лет.

На пороге бесшумно возникла официантка, принесла заказ и тут же удалилась.

- За пятнадцать лет мы стали почти родными, а потом я узнаю, что она спит с моим злейшим врагом, и, кроме того, помогает ему достать на меня компромат. Представляешь себе такое?

- С трудом. – Инга попробовала кофе, он оказался крепким и вкусным.

- Надя женщина умная, но с годами стала слишком эмоциональной – наверное, это неизбежная участь почти для всех. Я уверен, что так просто она свой уход не оставит и не намерен выпускать ее из поля зрения. Но хватит об этом. Я предлагаю тебе занять ее место.

- Не уверена, что справлюсь. Если бы речь шла о секретарской работе – это одно. Но, по-видимому, не все так просто.

- Ты права. Секретарь у меня есть и она справляется. А

помощник – это совсем другое. Надя сопровождала меня на переговорах, порой объяснялась с важными посетителями, иногда мы вместе решали судьбу какого-нибудь особенно сложного дела. То есть решал я, но обсуждение с ней очень помогало принять верное решение. Ты недооцениваешь себя. Это хорошо, что ты сомневаешься, это правильно. Ты, конечно, понимаешь, что возражений я не потерплю?

Вопрос был задан вроде бы в шутку, но Инга прекрасно поняла, что стоит за этим, казалось бы, небрежным тоном.

- Я согласна. Завтра же напишу заявление об уходе и через две недели буду у вас.

- Через две недели я возьму небольшой отпуск. Думаю, дней пять-семь мне хватит.

- Отпуск? Зачем? Вы же не берете отпусков.

- Затем, чтобы провести эту неделю с тобой.

Все блюда были вкусными, но Инга с трудом заставила себя поесть – после разговора с Побединым аппетит пропал полностью. Георгий Анатольевич, казалось, без труда понимал, что с ней творится. Оплатив счет, он спросил:

- Ты не против завтра съездить со мной за город? Ненадолго. Нам обоим нужно немного отвлечься, а сегодня за ужином расскажем про наши планы Нине и Алексею. Алексей давно мне говорил, что ты выросла из своей работы и пора бы подыскать тебе что-нибудь более подходящее. Ну и Нина, как узнает про Надю, конечно, расстроится. С Надей они были знакомы, Нине она нравилась.

- За город?

- Просто небольшая прогулка, не более того. Поехали домой.

На обратной дороге Инга ждала от Победина каких-нибудь намеков, но тщетно.

Дома, за ужином, все было так, как и говорил Георгий Анатольевич – Нина Аркадьевна, узнав про Осипову, побледнела, особенно когда свекор произнес фамилию «Штейн». Алексей же удивился тому, что отец берет на место Нади Ингу, но не возражал.

Когда Инга и Алексей остались наедине, он сказал:

- Меня, конечно, беспокоит желание отца взять тебя на работу. Ты не знаешь его так, как я. Он требователен, упрям и всегда идет до конца. Надя, я думаю, просто устала – она почти постоянно была на связи, они могли созваниваться даже ночью, иногда отец не появлялся дома несколько дней. Конечно, это не оправдание для ее поступка. Я хочу сказать тебе кое-что, - Алексей привлек Ингу к себе и крепко обнял, - если ты почувствуешь, что жертвуешь для работы всем, - просто скажи мне. Не позволяй ему лишить тебя всего, что я так люблю, слышишь?

- Леш, он ведь не оставил мне выбора, совсем. Он так и сказал: «Я не потерплю возражений».

- Выбор есть всегда. По крайней мере, у нас с тобой. Я слишком люблю тебя и, если нужно, мы уедем вместе. Бро-

сим все, начнем с нуля. Нищими мы не будем, дед мне тоже кое-что оставил – он всегда говорил, что не будет все складывать в одну корзину – слишком мы разные с отцом – я тогда был совсем маленьким, но эти его слова запомнил.

- И я тебя люблю, - прошептала Инга. – Только уезжать уже поздно.

На следующее утро Инге пришлось проявить немало терпения при объяснении с начальством. Начальник отдела был мужчина в годах – через пару лет его ждала заслуженная пенсия, но пока что позиций он не сдавал. В прошлом следователь прокуратуры, Иван Андреевич Кондаков умел видеть собеседника насквозь.

- Ты же не хочешь уходить, - сказал Кондаков, внимательно вглядываясь в лицо Инги, - что случилось?

- Я получила предложение, от которого не отказываются.

- Получается, я думал правильно. Не прогадай только, Инга Олеговна. Будь осторожна. Если что – мой телефон есть, звони. Отпустил бы прямо сейчас, но никак не могу, так что следующие две недели ты побудешь с нами.

- Конечно, Иван Андреевич.

Аська сначала восприняла уход Инги в штыки. Потом, вдребезги разбив любимую чашку, она, наконец, успокоилась.

- Асенька, ну пойми, нельзя мне иначе. – Инга виновато посмотрела на подругу. – Ты мне, конечно, не поверишь, но

я бы хотела остаться здесь.

- Ты прямо как мой ухажер, предпоследний. Он тоже говорил: «Не могу иначе», а, как выяснилось, очень даже мог. Теперь опять буду тут одна куковать, тьфу прямо, - Аська с такой силой закрыла дырокол, что Инга не сомневалось – скоро и он окажется в мусорном ведре рядом с чашкой.

- Мы обязательно встретимся. – Инга наклонилась и обняла подругу за плечи.

- Ага, двадцать лет спустя, - обиженно протянула Анастасия.

-А вот и нет, разве я тебя оставлю?

- Время покажет.

После работы Георгий Анатольевич заехал за Ингой, как и обещал. На дорогах были пробки, но Победин каким-то образом ухитрился в них не застревать – он несся по левому ряду с огромной скоростью, а когда они съехали с кольцевой, стрелка спидометра если куда и двигалась, то только вправо. Внезапно машина, резко сбросив скорость, вписалась в неприметный поворот – указатель отсутствовал, поэтому Инга не представляла, куда они направляются.

Дорога, по которой они ехали теперь, была старой – местами на ней еще сохранились участки, покрытые разбитым асфальтом, но в основном машина скользила по колее, проложенной в траве. По обеим сторонам дороги было многоцветье осеннего леса и ничего более. Вскоре лес совсем поредел

и дорога закончилась – видимо когда-то здесь был песчаный карьер, ныне выработанный и заброшенный – под колесами теперь еле слышно шуршал песок, а впереди на некотором отдалении виднелась черная гладь воды. Он остановил машину у опушки леса, затем повернулся к Инге:

- Дальше пешком.

Победин хотел помочь Инге выйти из машины, но она опередила его, легко скользнув на землю. Взгляд ее из недоумевающего и настороженного стал восхищенным.

- Как красиво и тихо. – Инга устремила взгляд на горизонт, за который, не спеша, стремилось солнце.

- Самый лучший момент здесь это закат. Причем именно в начале сентября.

- Пойдемте к воде, там же озеро?

- Пойдем.

Они шли бок о бок. Заходящее солнце создавало иллюзию тепла – Инга с наслаждением вдохнула полной грудью:

- Воздух чудесный, спасибо.

- За что? - удивился Победин.

- За это, - она развела руки в стороны.

Берег озера тоже был песчаным, у воды лежали мелкие камешки. Инга прошла немного вдоль берега, взяла пару камешков, а затем со смехом бросила один из них – почти плоский кругляш несколько раз подпрыгнул на поверхности воды. Она даже не подозревала, что играет с огнем – у нее для этого было еще слишком мало опыта. Победин внима-

тельно следил за ней – за каждым движением и взглядом, сдерживаясь изо всех сил и думая о том, как, порой, неожиданно рушится то, что строил годами. Инга повернулась к нему и, улыбнувшись, спросила:

- А вы так можете?

В воду полетел еще один камень – Инга бросала их так легко и уверенно, что он невольно подумал о том, умеет ли она метать нож.

Георгий не мог больше сдерживаться. Он и сам не знал, чем закончится эта поездка. Сейчас это уже было не важно – они были вдвоем, здесь она принадлежала только ему...

Он сжал ее в объятиях, развернул и вновь притянул к себе. Желание обладать Ингой стало почти ощущаемой физической болью и эта боль искала выход. Мгновенно разорвав блузку и белье, что было под ней, он жадно впился в ее обнаженное плечо, потом нашел губами грудь, чувствуя под тонкой кожей бешеное биение сердца. Вдруг с невероятной для хрупкой девушки силой и ловкостью Инга вывернулась из его объятий – она смотрела на него не с ужасом или презрением, а с неожиданной холодной яростью.

- И часто вы вот так любуетесь закатом? Много женщин вы привозили сюда? – процедила она сквозь зубы, пытаясь привести в порядок одежду.

Победин снова стал невозмутимым. Запал прошел. Он накинул ей на плечи собственный пиджак и только потом ответил:

- Ни одной до сегодняшнего вечера.

Он мог легко сделать с ней что угодно, но стоял, не двигаясь и ожидая, что она предпримет – главное, чтобы не попыталась ударить его или сбежать – тогда сдержаться ему, скорее всего, не удастся. Инга решительно шагнула к нему и тихо произнесла:

- Никогда больше так не делайте, - затем вдруг обняла его и прижалась к груди, - только теперь я поняла, что вы чувствуете, думаю, мы справимся. Не могу я вот так, сразу... Мне необходимо привыкнуть.

Сильные руки сомкнулись у нее за спиной, прижимая еще теснее. Они долго стояли так, никому не хотелось разрывать объятия. Наступили сумерки. По-прежнему не говоря ни слова, он подхватил Ингу на руки и понес к машине.

Домой они вернулись, заехав по дороге в пару магазинов – предлог для замены гардероба даже не нужно было придумывать – новая работа требовала новой одежды – дорогой и строгой.

Оставшись одна в ванной, Инга ощупала плечо – к счастью, следа не осталось. Слезы полились сами собой – все ее мужество словно осталось там, на заброшенной карьере. Смысл поездки был ясен – свекор наглядно продемонстрировал ей, что ее ждет, если она вздумает оказывать ему сопротивление. Хорошо, что Лешка за компьютером и не пошел за ней в ванную, как иногда бывало. Инга встала под го-

рячий душ. Закрыв глаза, она вспоминала произошедшее. Ее трясло, зубы стучали. Выйдя из ванны, Инга взяла из шкафчика над раковиной упаковку успокаивающих таблеток, приняла две вместо одной и запила водой из крана. Дрожь потихоньку ушла. Теперь Инга думала об одном – что она почувствует, оказавшись в постели с другим мужчиной? Сейчас при мысли о близости с Побединым-старшим она ощущала только страх и отвращение к себе из-за собственного бессилия. Себя не обманешь – в те минуты, которые она провела, прижавшись к сильному телу свекра, его страсть невольно передалась ей – сейчас, даже при воспоминании об этом Инга чувствовала приятные ощущения, которые не могло заглушить возникшее вместе с ними чувство стыда.

- Инга, открой, пожалуйста.

Не отозваться мужу Инга не могла. Она открыла дверь и мгновенно оказалась в объятиях Алексея.

- Ну наконец-то. Весь день только о тебе и думал.

Ночью Инга резко проснулась - ей послышалось, как кто-то произнес ее имя, она посмотрела – Алексей спал рядом. Инга повернулась и прижалась к мужу. Она любила его и не хотела терять, а еще ей было страшно, очень страшно.

Воскресный день выдался на удивление погожим. Алексей и Инга уехали за город, прихватив с собой собак – они хотели побыть наедине на свежем воздухе, несмотря на то, что осень их вовсе не радовала – в этом вкусы супругов сов-

падали абсолютно. Алексею пришлось отменить некоторые встречи, хотя именно в выходные клиенты агентства проявляли наибольшую активность.

Георгий и Нина остались дома – они решили не мешать молодым, да и побыть вдвоем теперь получалось редко. Их отношения со временем перешли в стадию уважения и дружбы, как бывает между мужем и женой, пережившими вместе многие годы. Они сидели в гостиной, он – на диване, она – в широком кресле с пальцами в руках – вышивала Нина Аркадьевна очень искусно.

- Знаешь, Егор (так она называла мужа лишь наедине), ты совсем стал на себя не похож в последнее время. Это из-за Нади, или случилось еще что-нибудь? От меня не скроешь.

- Ты права как всегда. Внутри словно пустота. А еще Инга. Нина отложила пальцы.

- А что с Ингой? Конечно, меня удивило твое решение взять ее на такую должность, Надю будет очень тяжело заменить. Пятнадцать лет, как-никак. Или тут что-то еще?

- Да, есть еще кое-что. У меня такое ощущение, что я могу сломать ей жизнь, а заодно и сыну. Потерять их.

- Егор, ты говоришь так, будто нельзя будет повернуть назад и отказаться от этой затеи. Брось, не изводи себя. Да, Инга молодая, но не забывай, как она работает сейчас – справляется же. Я ведь к ней заезжала, наблюдала – она умеет ладить с людьми. Все будет хорошо. Может, чаю выпьем? У меня пирог почти готов, с яблоками, как ты любишь.

- Погоди. Алексей так ничего ей не сказал, как я понял. Пока они молодые и о детях не думают – а что потом? Если она узнает про ту операцию, что ему пришлось сделать, и про то, что детей у них из-за этого не будет – что она сделает тогда? Сначала я об этом не думал, но в последнее время эта мысль тоже не дает мне покоя.

- Да, мне бы очень хотелось увидеть внуков, но нам лучше не вмешиваться. Я надеюсь, что их любовь преодолет это. Да и мы поможем. Сейчас столько технологий – если всерьез задаться целью, то многое возможно. Ты, конечно, с Лешкой не говорил об этом?

- Не говорил, потому что не знаю, с чего начать.

- И не надо. Думаю, придет время, он сам обратится к тебе за советом.

- Нина, иди ко мне, посидим вместе. – Голос Георгия стал непривычно мягким.

- Только посидим? – Нина улыбалась совсем как тогда, когда они тайком сбежали из дома, чтобы побыть вдвоем – словно и не было прошедших лет.

- Намек понял, - пошутил Георгий, увлекая жену на диван.

Они опомнились только когда из кухни через приоткрытую дверь потянуло горелым. Пирог пришлось делать заново.

Борис Штейн с комфортом устроился на заднем сиденье своего «Фантома». В отличие от Победина, за руль Борис са-

дился крайне редко – он считал, что важная персона и ездить должна соответственно – самому крутить «баранку» значило поставить себя на одну доску со всякими плебеями.

От сегодняшнего вечера Штейн ожидал многого – наверное, Наденька узнала что-то стоящее, а по телефону не говорит, интересничает. Все женщины, про себя их Штейн называл только «бабы», для Бориса были одинаковыми. Ничего кроме самок, которые ведут себя так, как диктуют им гормоны, он в женщинах не видел, хотя ходокom был изрядным.

Когда Надя, наконец, излила ему душу - пожаловалась, что Победин как женщиной ей совсем не интересуется, а она все эти годы его любила и ждала, Борис и это признание сумел использовать для достижения своей цели. Надя искренне верила, что у нее получится вместе со Штейном подловить Победина и ей удастся отомстить бесчувственному шефу за его безразличие. Бориса же разбирал смех – он представлял, что будет, когда Победин узнает о его интрижке. Но, с другой стороны - вдруг у Надежды получится?

Машина подкатила к ресторану, шофер распахнул дверцу:

- Приехали, Борис Львович.

Штейн сразу увидел Осипову – она шла к нему. Рядом с невысоким, полноватым Штейном его спутница смотрелась невероятной красавицей – вечернее платье от известного дизайнера и баснословно дорогой мех делали Надежду еще ослепительнее.

- Наденька, ты великолепна, как всегда. – Борис поцеловал своей даме руку. – У меня просто не хватает слов.

Внутри было много света. Тихо звучала арфа, бил фонтан в центре зала – Надежда подумала, как приятно было бы прийти сюда со своим мужем, которого любишь, ловить восхищенные взгляды и знать, что дома тебя ожидают не одиночество и тишина, а продолжение приятного вечера. Борис заказал бутылку дорогого вина и, смакуя напиток, сказал:

- За Надежду – прекрасную женщину с прекрасным именем.

Они соприкоснулись бокалами.

- Ну, Наденька, что же ты молчишь? Я прямо в нетерпении. Ты звонишь мне такая взволнованная – я пулей лечу к тебе, бросаю все дела, а ты что-то меня совсем не хочешь обрадовать. – Он улыбался, его глаза цвета темного ореха смотрели на Осипову доброжелательно, но в голосе проскользнула легкая нотка недовольства.

- Борис, случилось непредвиденное, – голос Нади был холоден и невыразителен, – он меня уволил вчера.

- Уволил? И за что же? – Штейн продолжал улыбаться, но его взгляд стал холодным.

- Он вычислил прослушку и клубок привел ко мне. Кроме того, ему все известно о нас с тобой.

Лицо Штейна потемнело от ярости – с трудом верилось, что несколько секунд назад на нем была добродушная улыбка.

- И ты что же, призналась? – спросил он, тщательно выговаривая каждое слово и глядя на нее так, словно увидел что-то необыкновенно отвратительное.

- Нет. Да он и слушать бы не стал. У него целая папка на столе была – фото и видео, наверное. Я тупике, Борис. Мне есть на что жить, пока есть. Но мне нужна работа. – Голос Нади чуть дрогнул – она ожидала от любовника совсем другого.

- И после всего, что произошло, после того, как ты меня скомпрометировала в глазах Победина, ты являешься сюда, чтобы попросить у меня работу? Ты понимаешь, если я тебя возьму к себе, что это будет означать? Ты же предатель, Надя. Ты едва не подставила своего куратора! – тихо и зло сказал Борис. При упоминании Победина в его взгляде на мгновение появилась такая ненависть, что Осиповой стало страшно.

В глазах Надежды стояли слезы.

- Боря, разве это была моя идея? Разве мы не вместе все это придумали?

- Не смей даже впутывать меня в это дело, - Борис встал из-за стола. – Между нами все кончено. Не звони мне и не пиши. Счет оплатишь сама – это свидание было твоей инициативой.

Штейн зашагал к выходу, даже не обернувшись. У столика словно из ниоткуда появился метрдотель.

- Вам плохо, вызвать машину? Пойдемте вот сюда, через

запасный выход, сейчас мы все устроим.

В тишине остались только мелодичные звуки арфы. Больше Надя ничего не слышала – она потеряла сознание.

Две недели отработки пролетели для Инги незаметно. Она привычно выполняла свои обязанности, болтала в перерывах с Аськой. Дома тоже все было спокойно. В последнюю пятницу Инга накрыла на работе небольшой стол – она хотела расстаться с коллегами как положено, не оставляя о себе негативных воспоминаний. Прощальный вечер прошел тепло. На вопросы о новом месте работы Инга отвечала уклончиво – она говорила, что будет работать юрисконсультom на хорошем окладе и что сама пока не знает, с чем точно придется столкнуться.

В шесть часов ей позвонил Георгий Анатольевич.

- Я отправил за тобой машину, - Победин назвал марку и номер и дал отбой.

Аська моментально возникла за спиной.

- Опять поклонник на черном «мерсе»?

- Не, не угадала - на «БМВ». Там только водитель - тебя подвезти?

- Вот еще. – Отмахнулась Анастасия. - Ты там давай, устраивайся как следует. Может и меня возьмешь к себе. А не сможешь – не обижусь.

- Асенька, - Инга проглотила комок в горле, - я обязательно что-нибудь придумаю.

- Вот еще, разревись тут, - видно было, что Аська сама еле сдерживается и поэтому грубит. Внезапно она стиснула Ингу в объятиях так, что у той перехватило дыхание. – На вот, в церкви освятила, - она сунула Инге в ладонь какой-то небольшой сверточек, - не умею я прощаться и ненавижу.

- И не надо! – крикнула Инга, чувствуя, что подруга ушла вовремя – еще немного, и она бы действительно расплакалась.

Кричать пришлось Аське в спину – та почти бежала к метро. Инге показалось, что спина у нее вздрагивала, словно подруга пыталась не заплакать, но все-таки ей не удалось. На ладони у Инги остался лежать образок с Николаем-чудотворцем.

Хорошей погоды будто не было – в выходные полил дождь. В понедельник погода тоже не улучшилась. Инга стала собираться на первый «рабочий» день. Дэна прогулял Алексей – он не любил, когда жена выходила из дома в плохую погоду – Инга легко заболела. Георгий Анатольевич уже ждал ее в машине. Свекровь проводила Ингу до двери.

- Не переживай, все у тебя получится. Георгий в людях разбирается.

«Знала бы она, куда я еду, - подумала Инга, - наверное, ударила бы меня чем-нибудь и была бы права».

- Спасибо, Нина Аркадьевна. Это здорово, что вы так ду-

маете, правда. Мне иногда кажется, что люди думают обо мне лучше, чем я того заслуживаю.

- Ну что ты, деточка. Удачи тебе.

Инге показалось, что спуск по лестнице занял у нее целую вечность. Садясь в машину к Победину, она чувствовала себя восходящим на эшафот смертником. Но, вопреки заверениям Лешки, выбора у нее не было. Рассказав все, она неминуемо разрушила бы эту семью, которую привыкла считать своей.

Мать Инги жила за границей, работала по контракту в Германии. Еще в восьмидесятых, когда компьютеры были диковинкой, она всерьез увлеклась программированием. Лидия Матвеевна умела писать программы простые и надежные, способные заставить электронику работать автономно, выбирать режимы в зависимости от условий – в середине девяностых это выглядело настоящей фантастикой.

В родном НИИ со старой техникой мама Инги проработала недолго – ее давняя подруга по учебе отправила от имени Лидии Матвеевны письмо в одну из крупнейших организаций, занимающихся компьютерными программами. Через полгода, увидев в ящике ответное письмо, Лидия Матвеевна не поверила своим глазам – ее приглашали работать по контракту на очень выгодных условиях.

Ей было тяжело оставлять дочь с дедушкой и бабушкой (отец Инги умер в начале девяностых), но Лидия Матвеевна была уверена, что когда-нибудь ей удастся заработать столь-

ко, что она непременно вернется домой.

Годы шли, Инга ни в чем не нуждалась. Сначала умер ее дед, а затем бабушка. Лидия Матвеевна брала отпуск и приезжала в Россию – она помогла дочери с похоронами и предложила Инге переехать к ней, Инга неожиданно отказалась наотрез. Она не раз бывала в Германии, ей там нравилось, но она чувствовала, что в чужой стране ей не привыкнуть и не освоиться. С мамой Инга общалась в мессенджере и по телефону, писала письма. Раз в год Лидия Матвеевна продолжала навещать Ингу, но признавалась, что делает это только из-за дочери. С годами появляться на родине становилось все тяжелее – от жизни в России она отвыкла напрочь.

Свекор остановил машину перед воротами закрытого коттеджного поселка. Указатель отсутствовал. Георгий Анатольевич достал из кармана маленький брелок и нажал на одну из кнопок – ворота открылись, пропуская машину. Дома здесь были расположены за высокими заборами и вдалеке от дороги – так, что Инга не могла разглядеть их как следует, но и того, что она заметила, было достаточно, чтобы понять – их хозяева, как и Победин, могли себе позволить если не все, то очень и очень многое.

Миновав еще одни ворота, они оказались на ухоженном участке с трехэтажным домом в стиле, чем-то напоминающем викторианский. За оградой темнел густой лес – Инга на мгновение почувствовала себя неуютно, она вспомнила свои сны, где порой блуждала в темноте, тщетно пытаясь выйти

или хотя бы найти поляну, откуда можно было бы увидеть небо, скрытое сомкнутыми темно-зелеными кронами.

- Этот дом, как и наш городской особняк, в прошлом принадлежали одному и тому же древнему дворянскому роду, — пояснил спутнице Победин. - Фамилию называть не буду, ни к чему это теперь. Скажу только, что другой недвижимости, принадлежавшей этой семье, мне обнаружить не удалось, так что найденные руины можно считать удачей. Ты обратила внимание, что остальные коттеджи построены совсем недавно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.